

Анна Хогтон
Маска Арибеллы

Дамарис Янг
Оборотный Час

Дж. Э. Уайт
Ночные тетради

Джесс Кидд
Магия на каждый день

Джулия Пайк
Последняя чародейка

Кирстен Бойе
**Тот, кто приходит
из зеркала**

Клаудия Ромес
**Дана Мэллори и дом
оживших теней**

Клэр Фэйерс
Магия зеркал

Крис Уормелл
Волшебное место

Лайза Николь
**Винсент и Самый
Необыкновенный Отель
в Мире**

М. П. Козловски
Роуз Коффин

Мэри Даунинг Хаан
Гость

Николь Валентайн
**Теория относительности
с точки зрения
путешественника
во времени**

Паскалин Ноло
**Эллиотт, который потерялся
в библиотеке**

Полли Хорват
**Большое богатство
Ночной сад**

Р. Л. Тоалсон
Лесной хозяин

Ромили Бернارد
Гипотеза о монстрах

Сара Бет Дёрст
**Девочка, которая
не видела снов**

Том Ллевеллин
Страшная тайна

Трентон Ли Стюарт
Хранители тайны

Уилло Дэвис Робертс
**Девочка с серебряными
глазами**

Хизер Касснер
Сад костей

Элка Эвалдс
Бабушкина магия

Хана Тук

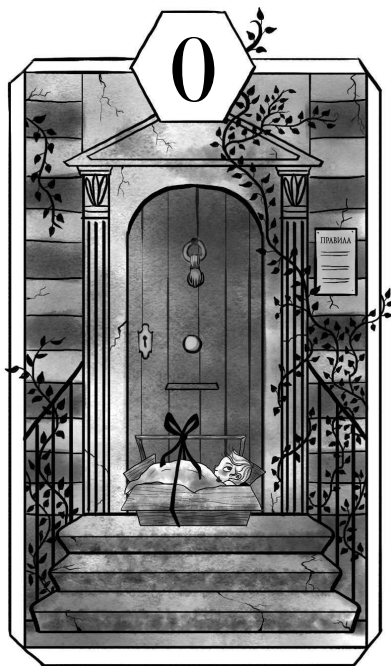
НЕПРАВИЛЬНЫЕ ДЕТИ

Москва
2022

Моей замечательно странной семье

**ПРИЮТ «МАЛЮТКА-ТЮЛЬПАН»,
АМСТЕРДАМ, 1880 год**

Приют «Малютка-тюльпан»

Правила отказа от детей

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ: младенец должен быть
завёрнут в хлопковое одеяло.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ: младенец должен
лежать в плетёной корзине.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ: младенца следует
оставлять на верхней ступеньке.

За все те годы, что Элинора Гассбик была директором сиротского приюта «Малютка-тюльпан», правила отказа от детей ни разу не нарушались. Вплоть до лета тысяча восемьсот восьмидесятого года. В последующие месяцы пятерых младенцев оставили на пороге «Малютки-тюльпана», и, несмотря на то что правила висели прямо при входе, ни один из них не был оставлен корректно.

Первый ребёнок появился ясным утром в конце августа, когда роса блестела на мощёных улицах города.

Брошенный младенец (надо сказать, что это была девочка), завёрнутый в розовое хлопковое одеяло, лежал на соответствующей ступеньке. У малышки были глаза цвета какао-бобов, а на голове торчал светлый пушок. Однако тот факт, что второе правило форменным образом проигнорировали, не оставлял шансов на прощение. Младенца уложили в перевязанный изумрудно-зелёной лентой жестяной ящик для инструментов, как будто в подарочную упаковку.

— Фу! — скривилась Элинора Гассбик, с отвращением глядя свысока на кроху в жестяной коробке, а затем жестом приказала одной из сирот унести ребёнка. — Помести её где-нибудь наверху.

Сиротка кивнула.

— Какое имя написать на кроватке, хозяйка?

Директриса скривилась. Давать имена детям — утомительно, но необходимо.

— Хозяйка, у неё что-то с пальцами! Как так получилось?

Малютка сосала большой пальчик, издавая громкие чавкающие звуки, от которых у Элиноры Гассбик мурашки поползли по спине. Она сосчитала пальцы подкидыша. Действительно, на каждой руке оказалось по одному лишнему.

— Назови Лоттой.

Второй младенец появился беспокойным сентябрьским вечером, когда многочисленные деревянные ставни на окна приюта гремели под порывами буйного ветра.

Сиротка зашла в столовую, где горели свечи: в руках девочка осторожно несла ведро из-под угля, словно это был букет цветов. Там что-то поскуливало. Заглянув внутрь, директриса к своему неудовольствию обнаружила младенца с чёрными волосами, завёрнутого в заляпанный сажей платок. Увидев Гассбик, малыш часто заморгал.

— Бедняжку бросили рядом с угольной ямой, — сообщила сиротка.

— Отвратительно! — каркнула Гассбик, имея в виду нарушение сразу второго и третьего правил. — Унеси его.

— Как назвать его, хозяйка? — нервно спросила сиротка.

Элинора Гассбик снова окинула недовольным взором ребёнка в ведре, его перепачканный углём носик и выдавший виды платок, в который младенца заботливо укутали. Судя по всему, хлопковый платок прежде был ярким и красивым. Но теперь он приобрел мутно-серый оттенок, и на нём едва про-

сматривался узор из чуть более тёмных серых овалов. «Как будто тухлые яйца рисовали на грязном мольберте», — подумала директриса.

— Назови Эгбертом.

Третий ребёнок появился неожиданно тёплым октябрьским полднем, когда дамы с лёгкими зонтиками фланировали по залитым солнцем улицам.

Сидевшая на скамейке во дворе Элинора Гассбик, одетая в самое лучшее платье с рукавами-буфами, открыла корзинку для пикника и, к своему ужасу, обнаружила младенца, ёрзавшего среди бутербродов с сыром и кусков миндального пирога. У малышки была копна рыжих вьющихся волос, и она беспрестанно гукала.

Ни хлопкового одеяла. Ни плетёной корзины. О верхней ступеньке и речи не шло.

Директриса зашипела пронзительно и громко, точно кипящий чайник. Младенец в корзинке сразу умолк, бровки сошлись вместе, когда он в страхе зажмурился. В окнах высоких узких кирпичных домов по всей улице замаячили любопытные лица, а дамы с зонтиками прервали променады. Элинора Гассбик, собравшись с силами, натянула на лицо улыбку, чтобы не смущать соседей. Сиротка пробилась к ней сквозь толпу.

— Минуту назад её здесь не было, — убеждённо сказала девочка, осторожно взяв кроху на руки.

— Унеси её, — процедила Элинора Гассбик сквозь стиснутые зубы.

— Да, хозяйка. А... имя?

Сиротка качала притихшую малютку и аккуратно выбирала семена фенхеля у неё из волос. Директрису пробрала дрожь.

— Назови... Фенной.

Четвёртый ребёнок появился сумрачным ноябрьским утром, когда покрывало тумана клубилось над каналом.

Раздалось дребезжание колокольчика: звонили из лодки и оповещали о том, что прибыли поставки. С помощью лебёдки, закреплённой снаружи, сиротка подняла бадью в дом. Как только груз показался из тумана, у Элиноры Гассбик задёргался левый глаз. В бадье лежал малыш в мешке из-под муки и с хмурой гримаской на личике. Внизу мешка были прорезаны две дырки, из которых торчали неестественно длинные ножки ребёнка.

Директриса втащила мешочного малыша внутрь, проклиная бедлам, постигший её приют.

— Одень его во что-нибудь, — гаркнула она стоявшей рядом сиротке.

Она посмотрела на хлипкие уши подкидыша, на его несуразно долговязые конечности, на выпачканные мукой волосы, торчавшие из головы под невообразимыми углами. На мешке оказались отпечатаны следующие слова: «МУКА СЕМОЛИНА»¹. Директриса застонала.

— Назови его... Сем.

---

¹ Крупа из твёрдой пшеницы. (Прим. ред.)

Пятый и последний ребёнок появился в декабре, при полной луне, когда созвездия ярко сияли на небосклоне Амстердама.

Элинора Гассбик отправила сиротку на крышу приюта, чтобы выяснить, что там за странный шум. Малышка, укромно оставленная за дымовой трубой, в корзинке, по форме напоминавшей гроб, лежала и радостно ворковала, уставившись в звёздное ночное небо. Волосы её были черны, словно полночь, да и глаза оказались почти чёрными.

Сиротка бережно унесла корзинку в дом, где кроха тотчас начала хныкать. Директриса протянула руку и ловко, даже не коснувшись младенца, выхватила игрушку, которую малютка сжимала в руках: тряпичную кошку, сшитую из мягчайшего амстердамского хлопка и одетую в отличный лионский шёлк.

Изнутри игрушки доносилось слабое тиканье, но директриса слишком громко выражала своё негодование, чтобы услышать его.

— Да это просто нелепость!

Она швырнула игрушку обратно в корзинку, на чёрное бархатное одеяло, в которое кто-то запеленал младенца. В углу одеяльца белой нитью было вышито имя: «Милу».

ПРИЮТ «МАЛЮТКА-ТЮЛЬПАН», АМСТЕРДАМ, ЯНВАРЬ, 1892 год

Приют «Малютка-тюльпан» представлял собой на редкость высокое здание, втиснутое в середину длинного ряда тоже на редкость высоких домов. На самом верхнем этаже девочка с удивительными тёмными глазами смотрела из маленького окна на замёрзший канал.

Милу следила за падающим снегом, который оседал на затейливых крышах, точно слой глазури на

торте. На льду внизу собрались толпы людей, их лица с покрасневшими носами лучились радостью. На смену велосипедам и башмакам пришли санки и коньки, весёлые крики звучали вперемешку со ржанием запряжённых в повозки лошадей.

Чем дальше Милу дышала на холодное стекло, тем более туманным и размытым становился городской пейзаж. Тяжело вздохнув напоследок, девочка отвернулась от окна. В тот же миг замёрзший кусок отслоившейся краски на стене с хрустом упал на пол. Деревянный пол в спальне был покрыт тонким слоем инея: у Милу мёрзли даже глаза, и ей стало больно моргать. Небольшой камин у соседней стены оказался пуст и тёмен, как и всегда.

— Замёрзшая сирота, — сказала Милу рыжеволосой девочке, сидевшей на кровати напротив. — Звучит, как название необычного десерта, верно, Фен? Я думаю, не новый ли это план хозяйки: раз уж из нас не удались потенциальные сыновья и дочери, она, наверное, надеется продать нас в качестве мороженого.

Фенна скорчила рожицу, закатила глаза и снова принялась кормить зачерствелыми крошками семью крысу, устроившуюся у неё на коленях.

Милу сморщила нос и поджала губы, сложив их клювиком.

— Замёрзшие сироты! — каркнула она, в точности подражая визгливому тону директрисы. — Подходите и покупайте замёрзших сирот! Лучшие сироты в Голландии! Всего пять центов за порцию!

Хмурый лоб Фенны разгладился, а уголки рта дёр-

нулись. Милу сразу ощутила, как приятное чувство согревает её изнутри.

— Нам лучше поторопиться, — добавила она серьёзным тоном.

Девочка вытерла запотевший кружок на окне и, прищурившись, посмотрела на часовую башню на другой стороне улицы.

— Проверка начнётся через четыре минуты, Гасбик нам волосы из подмышек повывирает, если мы снова опоздаем и не сдадим бельё...

Лёгкое покалывание, начавшееся от кончиков ушей, спустилось на шею Милу. Это мурашки не от холода, а самое настоящее предчувствие.

В коридоре послышались шаги. Девочки испуганно переглянулись. Милу спрыгнула с подоконника. Фенна перекатилась на кровати, прижав крысу к груди.

Милу схватила в охапку бельё для стирки, лежавшее на краю кровати, а Фенна спрятала крысу в корзинке с едой: всё это было сделано прямо за мгновение до того, как дверь спальни распахнулась.

Сначала в комнате появилась мальчишеская голова с двумя несуразно расположенными ушами и всклокоченным чубом светлых волос. Следом показалось долговязое тело с тонкими длинными конечностями.

— Вот вы где! — выдохнул мальчик, теребя пальцами край заляпанной жиром рубашки.

— Сем, это всего лишь ты, — облегчённо выдохнула Милу. — В чём дело?

Сем криво ухмыльнулся.